

1 апреля 1988 г.

Яковлев мне воспроизвел в лицах, с чего все началось при обсуждении статьи Нины Андреевой. Дело было в Кремле в комнате президиума во время перерыва на съезде колхозников. Расселись.

Воротников: Опять этого Сойфера в «Огоньке» вытащили, этого прохвоста. Что с этой печатью делать?.. Но надо что-то делать...

М.С.: А что? Они же напечатали потом ученых, которые возразили первой публикации... Ну, и что ты хочешь? Одни так, другие по-другому. Это же ученые. Их среда. И пусть... Что ты нервничаешь? Мы не можем как бывало...

Лигачев: Печать стала и по зубам давать этим... Вот в «Советской России» была статья. Очень хорошая статья. Наша партийная линия.

Воротников: Да! Настоящая, правильная статья. Так и надо. А то совсем распустились...

Громыко: Да. Думаю, что это хорошая статья. Ставит все на место.

Соломенцев что-то начал в этом духе. И Чебриков уже было открыл рот...

М.С.: Я ее мельком проглядел перед отъездом в Югославию.

Перебивают... мол, очень стоящая статья. Обратите внимание...

М.С.: Да, я прочитал ее потом, вернувшись...

Опять наперебой хвалят статью.

М.С.: А у меня вот другое мнение...

Воротников: Ну и ну!

М.С.: Что «ну и ну»?...

Неловкое молчание, смотрят друг на друга.

М.С.: Ах, так. Давайте на Политбюро поговорим. Я вижу дело куда-то не туда заходит. Расколом пахнет. Что «ну и ну»? Статья против перестройки, против февральского пленума. Я никогда не возражал, если кто-то высказывает свои взгляды. Какие угодно — в печати, письма, статьи. Но до меня дошло, что эту статью сделали директивой. Ее в парторганизациях уже обсуждают как установочную. Запретили печатать возражения этой статье... Это уже другое дело.

А на февральском пленуме я не «свой» доклад делал. Мы его все обсуждали и утвердили. Это доклад Политбюро и его пленум утвердил. А теперь, оказывается, другую линию дают... Я не держусь за свое кресло. Но пока я здесь, пока я в этом кресле, я буду отстаивать идеи перестройки... Нет! Так не пойдет. Обсудим на Политбюро.

В четверг вечером, после официальной части ПБ, когда нас, помощников, оттуда «попросили», разговор пошел так...

Рассказывает Яковлев: М.С. сказал несколько слов... но таких, что побледневшему Лигачеву пришлось выступить первым.

Лигачев: Да, Чикин у меня был. Мне статья понравилась. Но больше я к ней отношения не имел.

Громыко уже «подстроился», долго болтал что-то невнятное, но ясно было: ни нашим, ни вашим.

Воротников оправдывался за вчерашнее «ну и ну!», но искал выход в жалобах на печать и что на нее управы нет.

После Воротникова, говорит Яковлев, я понял, что пора выступить мне. Потому, что не было уверенности, что все читали, даже те, кто мог бы выступить с осуждением статьи и могло бы получиться, что начали бы автоматически поддакивать против распушенности печати и дело смяли бы...

Я говорил минут 20. Показал по пунктам, что весь смысл статьи — и по духу, и по тону, и каждым своим положением — против Горбачева, против февральского пленума, что это манифест антиперестройки. Когда закончил, было уже поздно, около 10 часов. М.С. говорит: давайте на этом сегодня закончим, завтра продолжим.

Назавтра первым говорил Рыжков. Жестко, резко, беспощадно против статьи. Самое сильное выступление.

У меня, говорит Рыжков, два впечатления от статьи:

— Зачем, мол, эта перестройка?!

— А уж раз случилось такое несчастье, то надо по возможности его ограничить, зажать.

Я, говорит Яковлев, не буду тебе пересказывать, кто что потом говорил, да и не запомнишь. Важен расклад.

Сильно и безапелляционно осудил статью Шеварднадзе. Решительно и аргументировано Медведев. Кратко, но четко, с эмоциями, с возмущением — Слюньков и Маслюков. Чебриков (который чуть было не «оступился» накануне) произнес спокойное осуждающее слово и это очень понравилось М.С.'у (он даже потом Натте это пересказал).

Генерал Язов бурчал что-то не очень определенное насчет печати, которая меру потеряла..., но «в целом» за Генерального.

«Спасали» Лигачева Соломенцев, Никонов и... Лукьянов... Это, говорил потом М.С., очень его разочаровало и удивило. Лукьянова он даже потом вызывал. (Это же его дружок по университету еще, вместе в общежитии на Стромынке жили). Не очень определен был приехавший специально из отпуска Зайков. (Может быть, потому что «рыльце в пушку»... — ведь это в московских парторганизациях пускали на ксерокс эту статью и уже начали обсуждать как директивную. Наверно, не без его ведома, если не согласуя с ним. Словом, во время не разобрался!).

Не упомянул Яковлев почему-то Долгих, Бирюкову. Я не переспросил. Но, думаю, Долгих на лигачевском фланге.

Хорошо выступил Разумовский.

Конечно, приняли единодушное решение: осудить статью. И поручить... «Правде» выступить с разгромом.

Сегодня мне Яковлев показал первый проект статьи в «Правде».. Сильно сделана. Дай Бог, если не изуродуют при рассылке. Я ее еще кое-где «усугубил».

Фролов стал отруливать: мол, метод прежний — разгром в «Правде», а это же письмо в газету. Пусть, мол, авторское письмо — ответ будет в той же «Советской России». Я взъярился: революция очень авторитарная вещь, и если мы будем мямлить, сталинисты опять все сомнут и т.п.

Словом, — это поворотный эпизод в истории перестройки. (Рыжков даже предложил освободить Лигачева от курирования идеологии! И если, как выразился Яковлев, М.С. не пожалеет Егора Кузьмича, то дата войдет в анналы).

Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008, с. 747-748